

Н. А. Алексеевко

Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса

одвесные свинцовые печати, принадлежащие роду Цулы, достаточно широко известны в научной литературе. Вместе с тем появление каждого нового памятника этого круга вызывает неизменный интерес, а порой и споры среди исследователей.

В настоящее время издано лишь восемь экземпляров моливдовулов рода Цулы [1, с. 238, № 8; 2, с. 1-3; 3, с. 41-43; 4, с. 69; 5, с. 164, № 54-54а; 5, табл. XX, г; 6, с. 158-159].

Все известные печати этого семейства, как правило, происходят из Крыма, причем большинство из них найдено на территории Херсонесского городища. Исследовавшая их И. В. Соколова предложила определенную схему датировки и атрибуции известных ей экземпляров. Однако появление новых находок печатей рода Цулы в Херсонесе, на наш взгляд, дают возможность не только ввести в научный оборот неизданные памятники, но и уточнить отдельные спорные вопросы о принадлежности и датировке ранее известных печатей с этим родовым именем.

Первая из новых печатей была найдена в 1991 году в прибрежной полосе северного района Херсонесского городища.

Моливдовул отгиснут на пластинке небольшого размера — 18 мм и толщиной около 2,5 мм. Диаметр матрицы предположительно 20-21 мм. (рис.1)

Лиц. с. Погрудное изображение святого Николая с округлой бородой в фас. Между внутренним и внешним ободком круговая легенда:

[ΑΓΙΕ] ΝΙΚΟΛΑΕ ...

[Ἰ]ῆλυε Νικόλαε [βοήθει τῷ σῷ δοῦλῳ]

Об. с. Надпись в пять строк:

+MIX
ΑΝΑΡ' ᾿ [Π]
ΑΘΡΗC
[Τ] ΖΟΥΛ[Α]
...Ε..

+MIX
ἀήλ β(ασίλῃ) σ[π]
[.. αθαρης [τοῦ]
[Τ]ζούλ[α]
...ε....

«Святой Николай, помоги твоему рабу Михаилу из рода Цулы, императорскому спафарию...»

К сожалению, из-за малого размера использованной для печати пластинки нет возможности судить о названии местности, где состоял на службе владелец печати.

Характер изображения святого Николая, наличие круговой легенды на лицевой стороне печати позволяют отнести наш моливдовул к определенному стилю изображения святых на византийских печатях, когда из плоскостных и графичных фигуры святых становятся объемными, с тонкой проработкой лица и одежды. И. В. Соколова этот стиль датирует второй половиной X — началом XI века [5, с. 88]. Вместе с тем, присутствие на оборотной стороне печати родового имени, обычно принятого для византийских

моливдовулов XI века, создает вероятность датировки нашей печати в пределах первой четверти XI столетия.

Вторая печать была найдена в 1994 году в прибрежной полосе северо-восточного района Херсонесского городища.

Как и первая, она оттиснута на пластинке малого размера — 19 мм и около 2 мм толщиной. Моливдовул хорошо сохранился, что позволяет его уверенно атрибутировать.

Лиц. с. В тройном точечном ободке стоящая вправо птица, держащая в клюве ветвь. Над ней треугольный знак с шариками на концах. Легенды нет (рис.2).

Об. с. Надпись в четыре строки:

НГН	Ιγν—
ΑΤΗΩΤ	ατηωτ—
ΟΥΤΖΟ	οϋτζο—
VΛΑ	ύλα

«Игнатию из рода Цулы».

Печати с аналогичным изображением на лицевой стороне известны в византийской сфрагистике [5, с. 104; 7, с. 176, № 496, табл. XVII, 8; 8, с. 119-120, табл. XIV, 15, с. 146, табл. XVII, 9, с. 298-299, табл. XXXI, 12]. Особый интерес представляет моливдовул, принадлежащий роду Цулы из собрания Херсонесского заповедника (инв. № 9244), на котором подробно мы остановимся ниже.

Исследователи достаточно широко датируют печати с изображением птиц. Однако все же в большинстве случаев хронологические рамки датировки этого типа сужаются до середины X — начала XI в. И. В. Соколова, на наш взгляд, удачно обратила внимание на дополнительный датирующий элемент данного типа изображения — тройной точечный ободок, характерный для древнерусской сфрагистики середины XI века [9, с. 167, № 4-8]. По ее мнению, «этот элемент украшения уже ограничивает время, к которому может быть отнесена интересующая нас печать Цулы, второй половиной X — первой половиной XI в.» [5, с. 104].

Принимая во внимание вышеизложенное, отметим, что моливдовул Игнатия из рода Цулы вполне соответствует предложенной системе датировки и, следовательно, должен относиться к концу X — началу XI века.

Как видим, новые находки печатей рода Цулы в Херсонесе знакомят нас с двумя ранее не известными представителями этого семейства — Михаилом и Игнатием. Первый являлся императорским спафарием, вероятно, в одном из крымских городов, подобно тому, как на известных печатях этого рода Георгий назван протоспафарием Боспора [4, с. 69; 5, с. 133-134, прим. № 235], а Цула — императорским спафарием Херсона [1, с. 238, № 8]. К сожалению, вопрос о принадлежности нашего моливдовула к тому или иному крымскому центру пока остается открытым. Вместе с тем место его находки, а также присутствие в последней, практически не сохранившейся строке «Е», может указывать на Херсон.

Как и большинство печатей рода Цулы, этот экземпляр не дает нам исчерпывающей информации о его владельце. Однако он лишний раз подтверждает, что интересующие нас моливдовулы создавались по образцам византийской сфрагистики, имевшим традиционную схему построения легенды, в той или иной степени отражающую положение владельца в византийском обществе и обязательно требовавшую помещения на одной из сторон печати имени собственного. Следует отметить, что все известные автору печати рода Цулы, кроме двух экземпляров, изданных Г. Шломберже и К. Д. Смычковым [1, с. 268, № 8; 6, с. 158-159], содержат не только родовое, но и собственное христианское имя владельца.

О втором представителе этого рода — Игнатии — еще меньше информации. Кроме родовой принадлежности на печати нет никаких других данных. Вместе с тем именно эта находка представляет наибольший интерес, так как она является близкой аналогией моливдовулу, изданному И. В. Соколовой и определенному как кастрофилакс Цула [5, с. 133, прим. 234], что вызвало споры среди исследователей [10, с. 298].

Печать Игнатия имеет полную сохранность, выполнена на пластинке необходимого

размера, на ней отсутствуют какие-либо утраты металла, надпись на оборотной стороне отгиснута четко. Все это позволяет не только уверенно атрибутировать изображение и безошибочно прочесть надпись, но и дает возможность еще раз вернуться к рассмотрению моливдовула, принадлежащего, по мнению И. В. Соколовой, кастрофилаксу Цуле.

Напомним, как выглядела эта печать:

Лиц. с. В тройном точечном ободке стоящая вправо птица, держащая в клюве ветвь. Слева сзади над птицей также ветвь. Легенды нет.

Об. с. В точечном ободке надпись в четыре строки:

+...	+...
ΦΥΛΑΚ.	φυλάκ
ΩΤΙΟΥΤΖ	ω[τ]ιούτζ
ΟΥΛΑ	ούλα

..... филакку из рода Цулы

К сожалению, печать разломана пополам, имеет утраты по каналу для продевания шнура, отгиснута на половине пластинки, что не позволило полностью разместить надпись на оборотной стороне. Это, по-видимому, и привело к ошибочному истолкованию надписи.

Детальное сравнение этой печати с вновь найденной позволило прийти к заключению, что мы имеем дело с однотипными моливдовулами, стиль и характер изображений которых настолько похожи, что не вызывает сомнения если не одновременность их изготовления, то, по крайней мере, тесная хронологическая близость. Как известно, согласно византийским традициям, подобные изделия, выполнявшиеся в одно время, всегда соответствовали бытовавшим в тот период правилам. Исходя из этого, на обоих наших печатях перед родовым именем Цула должно было помещаться собственное имя владельца, а не его должность, как считала И. В. Соколова [5, с. 105-106]. Подобных примеров в византийской сфрагистике достаточно [11, с. 162, № 626, с. 178, № 684, с. 182, № 696, 8, с. 122, № 4, с. 136, № 10].

На наш взгляд, безусловно, был прав А. П. Каждан, утверждавший, что на херсонесской печати (инв. № 9244) мы видим окончание часто встречающегося на византийских печатях имени Θεοφυλάκτος [10, с. 298]. Указанная же И. В. Соколовой должность кастрофилакса или любая подобная ей, с аналогичным окончанием, как нам кажется, не уместна здесь еще по одной причине. Она становится понятной, если обратиться к метрическим параметрам данной печати. Малый размер пластинки печати и сохранившиеся части точечного ободка на лицевой и оборотной сторонах позволяют восстановить диаметр матрицы — предположительно 15-16 мм. Использование резчиком шрифта размером 2,0 x 1,5 мм и разделение надписи на четыре строки не позволяют ему в указанном размере матрицы разместить более четырех знаков в первой строке. Между тем для начисания первой части должности кастрофилактос необходимо место для шести букв. Отметим, что на это обстоятельство обращала внимание и сама исследователь [5, с. 105].

Тщательное изучение моливдовулов с изображениями птиц, близких нашим по характеру, стилю и размерам, имеющих разделение надписи на четыре строки, показывает, что резчики пользовались, видимо, определенной схемой размещения букв в строках. В абсолютном большинстве случаев используется вариант: первая и четвертая строка по четыре буквы, а вторая и третья — по шесть. Исключение составляет печать Игнатия, имеющая иное разделение: первая и четвертая строка — по три буквы, а вторая и третья — по пять.

Согласно приведенной схеме на печати с надписью ...φυλάκρ τοῦ Τζούλα в первой строке должно быть размещено четыре знака. И. В. Соколова отмечает, что «от верхней строки сохранились концы двух букв» [5, с.105], не исключив возможности принятия одной из них за нижний край креста.

Еще раз обратившись непосредственно к самому памятнику, автору удалось сделать два наблюдения, являющихся дополнительным подтверждением правильности предлагаемого чтения надписи печати.

К сожалению, из указанных двух нижних концов знаков в виде «прямых черточек» в верхней строке моливдовула выявить удалось лишь первый. Место расположения

второго знака приходится как раз на разлом печати, так что был ли он на самом деле или за него был принят фрагмент металла от разлома печати, судить трудно. Что касается первого знака, то нижняя часть его достаточно хорошо видна. При внимательном рассмотрении обнаруживается характерная особенность в его начертании, отличающаяся от изображения литер букв. Он имеет явное раздвоение на конце, какое принято в одном из вариантов изображения креста в начале надписи, перед именем владельца. Изучение этой части моливдовула при значительном увеличении позволило обнаружить и остатки правой поперечной ветви креста. Таким образом, в первой строке первым знаком мы имеем изображение небольшого крестика. Следовательно, исходя из предложенной нами схемы, на начало надписи остаются лишь три знака, которые четко вписываются в оставшийся размер в соответствии со шрифтом и диаметром матрицы.

Восстановление предположительного размера матрицы печати позволило заметить, что во второй строке после к остается значительное свободное пространство, где вполне могла бы разместиться еще одна буква. Детальное исследование этого участка обнаружило незначительные следы, которые можно принять за нижний конец буквы, имевшей начертание, сходной с ф, к, т, изображенным здесь же, на печати. Вероятнее всего здесь необходимо видеть т, которую А. П. Каждан считал пропущенной резчиком [10, с. 298]. По-видимому, специфическая особенность свинцовой пластинки, на которой была оттиснута печать, не позволила всей букве попасть в поле печати, равно как и первой строке надписи.

Наличие буквы т после к в конце второй строки снимает необходимость рассматривать слово $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\kappa\omega$ как дательный падеж единственного числа некоей диалектной формы $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\kappa\omicron\varsigma$ — $\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\kappa\epsilon\varsigma$ страж [5, с. 105]. Без сомнения, в нашем случае мы имеем дело с традиционным написанием имени $\Theta\epsilon\omicron\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\kappa\tau\omicron\varsigma$ в дательном падеже, при подразумеваемой формуле призыва божьей помощи. Следует отметить, что известны печати и с обычной формулой $\text{Κυριε Βοηθει τωσπ δουλω}$ вокруг аналогичного изображения птицы [7, с. 176, № 497; 1, с. 28]. Исходя из вышеизложенного, надпись оборотной стороны херсонесской печати (инв. № 9244) следует реконструировать следующим образом:

$\begin{aligned} &+ \{ \Theta \epsilon \omicron \} < \\ \phi \upsilon \lambda \acute{\alpha} \kappa & \{ < \tau > \} \\ \text{W} [\tau] \text{OVTZ} \\ \text{O} \upsilon \lambda \alpha \end{aligned}$	$\begin{aligned} & \{ \theta \epsilon \omicron \} < \\ \phi \upsilon \lambda \acute{\alpha} \kappa & \{ \tau \} \square \\ \omega \{ \tau \} \omicron \text{V} \tau \zeta - \\ \omicron \upsilon \lambda \alpha \end{aligned}$
--	--

феофилактору из рода Цулы.

Вероятно, уместным будет заметить и то, что моливдовулы с именем $\Theta\epsilon\omicron\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\kappa\tau\omicron\varsigma$ имеют зачастую подобное разделение имени владельца на три строки [11, с. 126, № 496, с. 337, № 912a].

Как было отмечено выше, моливдовулы с изображением птиц мы склонны датировать концом X — самым началом XI столетия, что вполне согласуется с датировкой, предложенной И. В. Соколовой [5, с. 106]. Однако мнение исследователя о принадлежности их к самому раннему типу печатей рода Цулы [5, с. 106], на наш взгляд, не имеет достаточных оснований.

Сравнительный анализ моливдовулов, принадлежащих роду Цулы, в свете последних данных позволяет сделать ряд замечаний в отношении их принадлежности и относительной хронологии.

Все известные экземпляры следует разделить на две группы. Первая из них объединяет печати с указанием лишь принадлежности к роду и имени владельца, которые, однако, видимо, следует рассматривать как личные печати представителей семейства Цулы, не имевших еще печатных византийских званий и чинов. Вторая состоит из моливдулов, несущих сведения о месте владельца в составе византийской администрации, его титулах и чинах, а в отдельных случаях — и месте службы.

Суммируя сведения, необходимо отметить, что все исследователи датируют известные печати рода Цулы в пределах X-XI вв. Однако нам представляется несколько иной

хронологическая последовательность.

Вероятнее всего самыми ранними следует считать печати Цулы - императорского спафария Херсона [1, с. 238, № 8; 6, с. 158-159]. Издатели датируют их по-разному. Однако большинство исследователей склонны датировать печати с изображением шестиконечного креста без цветения более ранним временем. Н. П. Лихачев и В. Зайбт относят их к концу IX — первой половине X в. [8, с. 33-34, № 4; 12, с. 122-123, № 34, с. 185-186, № 71]. Г. Закс предлагает близкую им датировку - середина IX — начало X в. [13, с. 156, № 246]. И. В. Соколова пришла к заключению, что печати с интересующим нас типом креста можно датировать, в зависимости от палеографических особенностей шрифта, в пределах X столетия, в том числе и печать спафария Херсона Цула [5, с. 102].

Датировка моливдулов спафария Цулы X в. (на наш взгляд, более вероятна его вторая половина) является одной из самых ранних для печатей этого семейства. В пользу этого замечания может свидетельствовать и тот факт, что здесь Цула имеет только собственное нехристианское имя. Напомним, что кроме этих двух экземпляров, по-видимому, принадлежавших одному лицу, все известные моливдулы рода Цулы несут на оборотной стороне христианские имена владельцев. Очевидно, печати спафария Цулы могли принадлежать родоначальнику семейства, поступившего на византийскую службу и жившего в Херсонесе.

Небезынтересно отметить и тот факт, что чиновник с именем Цула известен в документах 941-942 гг. фемы Фессалоники, где он представлен в качестве *ἐκ πρὸσβόλου* [14, с. 286-289, № 107] при решении спора о земле между монастырем Лавры и жителями одного из селений. Это не дает нам права связывать указанного выше чиновника с владельцем печати. Вместе с тем мы вправе предположить, что после отмеченных в документах событий Цула мог перебраться в Херсон, где и стал основателем известного впоследствии крымского рода.

За печатями спафария Цулы, видимо, должны следовать моливдулы Игнатия и Теофилакта с изображением птицы на лицевой стороне. Скорее всего так же, как и указанные выше печати, они не выходят за пределы X столетия. Как известно, печати с изображением зверей и птиц представляют значительную редкость среди памятников византийской сфрагистики. И, как правило, этот тип изображений встречается на печатях чиновников *ἐπὶ τῶν βαρβάρων* [8, с. 146]. К сожалению, наши печати не несут никаких сведений о принадлежности их владельцев к тому или иному ведомству. Поэтому мы их рассматриваем как печати для личной корреспонденции. Далее, по-видимому, необходимо поместить печать спафария Михаила с изображением святого Николая на лицевой стороне, выполненным в характерном стиле второй половины X — начала XI вв.

Следующими по времени являются два моливдула императорского протоспафария и стратига Херсона Георгия, которые издатели датируют началом XI в. и связывают с событиями 1016 г., отраженными в хронике Скилицы [15, с. 464]. Несмотря на различную интерпретацию этого известия, исследователи единодушно связывали изданную В. Юргевичем печать с упомянутым Скилицей архонтом Георгием Цулой, против которого Византией была снаряжена морская экспедиция Мопга [16, с. 436-437; 17, с. 266-267; 18, с. 16; 19, с. 230]. Выбранную датировку подтверждают и палеографические особенности. Надписи выполнены крупным квадратным шрифтом с большими промежутками между литерами, который, по определению И. В. Соколовой, характерен для начала XI в. [5, с. 106].

Завершает предлагаемую хронологическую последовательность известных моливдулов рода Цулы печать императорского протоспафария Босфора Георгия, владельца которой И. В. Соколова отождествляет с указанным выше херсонским стратигом [5, с. 106]. Предложенная ею датировка в пределах первой половины XI столетия вполне согласуется со стилем изображения святого Георгия, выполненного в высоком рельефе, принятом в византийской сфрагистике именно в этот период. Печати с погрудным изображением святого, выполненным в высоком рельефе, достаточно широко представлены среди моливдулов фем Болгария и Антиохия, существовавших именно в пределах XI столетия. Причем В. Лорси отмечает, что с середины XI в. погрудное изображение святого уступает

место изображению святого воина в рост, держащего правой рукой копье и опирающегося на щит [20, с. 221-253]. Учитывая вышеизложенное, рассматриваемая печать, безусловно, является памятником XI в., не выходящим за пределы середины столетия.

К этому же времени, вероятно, следовало бы отнести и печать спафария Фотия (?), фотографию которой приводит в своем труде И. В. Соколова [5, табл. XX, г]. К сожалению, исследователь, кроме подписи к таблице, не сообщает никаких сведений относительно этого моливдовула, а недостаточно четкая фотография оборотной стороны не позволяет нам с определенной уверенностью воспроизвести надпись. В связи с этим в данном случае мы считаем возможным ограничиться лишь датировкой моливдовула на основании стиля изображения святого в пределах первой половины XI столетия.

Исследование печатей представителей рода Цулы позволяет сделать заключение, что все они, без исключения, являются типичными образцами памятников сфрагистики, выполненными в соответствии с канонами византийского художественного стиля и палеографическими особенностями начертания шрифта, принятыми в империи в интересующий нас период. Следуя предложенной хронологической последовательности, заметим, что датировка всех известных нам печатей семейства Цулы укладывается в рамки одного столетия — второй половины X — середины XI века. По-видимому, в этот период представители рода играли заметную роль в византийской администрации Херсона, а возможно, и всех крымских владений империи, являясь крупными военачальниками или чиновниками высокого ранга, о чем свидетельствуют надписи на печатях. Расположение печатей в предложенном порядке — лишь один из возможных вариантов, который, с появлением новых данных, безусловно, будет дополняться и уточняться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin.— Paris, 1884.
2. Юргевич В. Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. // ЗООИД.— 1886.— Т. 14.
3. Юргевич В. Свицковские печати, хранящиеся в музее // ЗООИД.— 1889.— Т. 15.
4. Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник.— 1971.— Т. 23.
5. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса.— Л., 1983.
6. Смычков К. Д. Неизданная печать с именем Цула // ВВ.— 1987.— Т. 48.
7. Панченко Б. А. Каталог моливдовулов.— София, 1908.
8. Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока.— М., 1991.
9. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси.— М., 1970 Т. 1.
10. Каждан А. П. Аннотация к статье И. В. Соколовой «Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне» // Byzantinoslavica. Prague, 1972.— Т. XXXIII/2.
11. Κωνσταντοπούλος Κ. Μ. Βυζαντινά κλομβόβουλλα του εν Αθήναις Εθνικού Νομισματικού Μουσείου.— εν Αθήναις, 1917.
12. Seibt W. Die byzantinischen bleisiegel in Österreich.— Wien, 1978.
13. Zacos G. Byzantine lead seals.— Berne, 1984.— V. II.
14. Dölger F. Aus den schatzkammern des Heiligen Berges.— München, 1948.
15. Georgii Cedreni Historia Compendium historiarum.— Bonnae, 1838 V. 2.
16. Артамонов М. И. История хазар.— Л., 1962.
17. Скржинская Е. Ч. Рец. на кн. Якобсона А. Л. «Средневековый Херсонес» // ВВ.— 1953.— Т. 6.
18. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА.— 1950.— N 17.
19. Якобсон А. Л. К изучению позднесредневекового Херсонеса // X. сб.-1959.— Вып. 5.
20. Laurent V. La chronologie des gouverneurs d'Antioche sous la seconde domination Byzantine // Melanges de l'Universite Saint Joseph.— Beyrouth, 1962.— V. 38.

1

2

3

Рис. Печати представителей рода Цулы:
1 — Михаила, императорского спафария...
2 — Игнатия
3 — Феофилактоса